

Николай Добролюбов

**О степени участия
народности в развитии
русской литературы**

Николай Добролюбов

**О степени участия народности
в развитии русской литературы**

«Public Domain»

1858

Добролюбов Н. А.

О степени участия народности в развитии русской литературы /
Н. А. Добролюбов — «Public Domain», 1858

«...литература, при всех своих утратах и неудачах, осталась верною своим благородным преданиям, не изменила чистому знамени правды и гуманности, за которым она шла в то время, когда оно было в сильных руках могучих вождей ее. Теперь никого нет во главе дела, но все дружно и ровно идут к одной цели; каждый писатель проникнут теми идеями, за которые лет десять тому назад ратовали немногие, лучшие люди; каждый, по мере сил, преследует то зло, против которого прежде возвышалось два-три энергических голоса. То, что было тогда достоянием немногих передовых людей, перешло теперь во всю массу людей образованных и пишущих...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Николай Александрович Добролюбов

О степени участия народности в развитии русской литературы

«Очерк истории русской поэзии» А. Милюкова. Второе, дополненное издание. СПб. 1858 г.

Книжка г. Милюкова – наша старая знакомая. Первое издание ее было в 1847 г., и тогда же она была оценена по достоинству в наших журналах. Новое издание этой книги приятно напомнило нам время первого ее появления и заставило подумать о том, что произошло в нашей литературе в последнее десятилетие. По-видимому, ничего не произошло особенного: в 1847 г. высказывались идеи и стремления, совершенно близкие к тем, какие высказываются в 1858 г. Книжка г. Милюкова может служить лучшим тому доказательством. Следуя мнениям Белинского о русских литературных явлениях, г. Милюков составил тогда очерк развития русской поэзии, – и этот очерк до сих пор не теряет своей правды и значения. Тогда находил он хорошими только те явления русской поэзии, в которых выражалось сатирическое направление; и теперь не нашел он ничего, что можно бы было похвалить у нас вне сатирического направления. Тогда заключил он свой очерк словами Лермонтова: «Россия вся в будущем» – и теперь заключает его теми же словами... Ожидаемое будущее еще не настало для русской литературы; продолжается все то же настоящее, какое было десять лет тому назад... Мы еще в том же гоголевском периоде и напрасно ждем так давно нового слова: для него еще, верно, не выработалось содержание в жизни.

Но если не заметно ничего особенно во внутреннем содержании и характере литературы, зато нельзя не видеть, что внешним образом она развилась довольно значительно. Вспомним, какие люди действовали у нас на литературном поприще в сороковых годах и до 1847 г. включительно. Хотя в этом году Гоголь уже издал «Переписку», но все же он был жив, и надежды на него не покидали его почитателей. За Гоголем возвышался гениальный критик его, энергически громко и откровенно объяснивший России великое значение ее национального писателя. За Белинским высились еще два-три человека, возбуждавшие внимание публики к вопросам философским и общественным^[1]. Под их знаменем ратовала тогда литература против неправды и застоя; от них заимствовала она свою энергию и жизнь.

Теперь тоже литература призывает общество к правде и деятельности, тоже восстает против злоупотреблений, но кто несет наше знамя? Вокруг кого собрались литературные деятели? Из тех, кто одушевлял литературу в сороковых годах,

Иных уж нет, а те далече^[2].

Из новых же деятелей нет никого, кто бы по своему таланту и влиянию равнялся Гоголю или Белинскому. Теперь нет литературных вождей, подобных прежним; они исчезли один за другим, русская литература утратила их в самый год смерти Белинского или недолго спустя^[3]. Некоторые из них продолжали действовать и после, даже еще в больших размерах, чем прежде; но для большинства русской публики труды их оставались неизвестными в эти года. Так Гоголь

[1] Добролюбов имеет в виду А. И. Герцена, Н. П. Огарева и их кружок; дать более определенную оценку значения философских и общественно-политических воззрений Герцена Добролюбов не мог по цензурным соображениям.

[2] Строка из «Евгения Онегина» Пушкина (гл. VIII, строфа LI).

[3] К середине 1850-х гг. «из тех, кто одушевлял литературу в сороковых годах», не стало Белинского (умер в 1848 г.), Гоголя (умер в 1852 г.); Герцен с 1847 г. и Огарев с 1856 г. находились в эмиграции.

до конца жизни не переставал работать над своим созданием; но только немногие, близкие к нему люди знали, какое произведение готовит он. До прочих едва доходили темные, неопределенные слухи о продолжении «Мертвых душ». Так было и с некоторыми из других литературных деятелей. Так и до сих пор, после смерти Гоголя и прекращения деятельности Белинского и некоторых его сподвижников, продолжается у нас отсутствие громкого имени, от которого приходила бы в движение литература, которым бы направлялась известным образом ее деятельность.

А между тем кто не видит, что литература, при всех своих утратах и неудачах, осталась верною своим благородным преданиям, не изменила чистому знамени правды и гуманности, за которым она шла в то время, когда оно было в сильных руках могучих вождей ее. Теперь никого нет во главе дела, но все дружно и ровно идут к одной цели; каждый писатель проникнут теми идеями, за которые лет десять тому назад ратовали немногие, лучшие люди; каждый, по мере сил, преследует то зло, против которого прежде возвышалось два-три энергических голоса. То, что было тогда достоянием немногих передовых людей, перешло теперь во всю массу людей образованных и пишущих. Кто не умел или не хотел усвоить себе этих живых уроков недавнего прошедшего, тот уже считается отсталым, отчужденным от общего дела, мертвецом между живыми, и его хоронят заживо, несмотря ни на ученость, ни на талант. Да что же иначе и делать с человеком, который сам зарывает талант свой в землю и мертвой буквой убивает жизнь духа? Бог с ними; пусть сочиняют себе надгробные надписи, долженствующие некогда напомнить об их бессмертии. Живой о живом думает, и нынешняя литература стремится изведать жизнь и на практике приложить и проверить истины, привитые общему сознанию достопамятными деятелями прежних лет. Все проникнуто этим духом, и, – повторим еще раз, – хотя во внутреннем содержании литература не подвинулась вперед, круг идей ее не расширился, но круг приверженцев этих идей значительно увеличился; усвоение их стало тверже и полнее. В этом видим мы внешнее развитие литературы, составляющее прогресс ее в последние десять лет, и несомненную, действительную ее заслугу. Она собственно силою сохранила еще свое достоинство от мелких проделок и жалких поползновений, унижавших в другие времена звание писателя. Она собственно силою завоевала себе этот кружок людей, со всею энергией правды и молодости отдавших себя [на служение] правому делу, чтоб [при первой возможности] честно и правдиво послужить ему. В этом уже немалая заслуга, и она может сделаться громадною, если распространение идей добра и правды будет продолжаться таким же образом и если интересы, возбужденные литературою, проникнут наконец в массы народа. Тогда-то нельзя будет не признать великого значения литературы.

Но это все будущее и, без сомнения, довольно отдаленное. Книга же г. Милюкова дает нам повод проследить значение русской литературы в прошедшем. Кстати, здесь же мы можем объясниться с некоторыми книжниками, которые взводят на «Современник» обвинение, будто он совершенно отвергает всякое значение литературы для общества.

Книжные приверженцы литературы очень горячатся за нее, считая прекрасные литературные произведения началом всякого добра. Они готовы думать, что литература заправляет историей, что она [изменяет государства, волнует или укрощает народ,] переделывает даже нравы и характер народный; особенно поэзия, – о, поэзия, по их мнению, вносит в жизнь новые элементы, творит все из ничего. В подтверждение своих взглядов они указывают на великие поэмы первых веков человечества, на поэзию индийскую, еврейскую, греческую и на продолжение их в творениях величайших гениев новых времен. «Сколько великих тайн, – говорят они, – поведано миру в великолепных созданиях фантазии юного человечества! Без индийской и персидской поэзии не было бы в человечестве сознания о борении двух начал, добра и зла, во всем мире; без Гомера не было бы Троянской войны, без Вергилия Эней не странствовал бы в Италию, без Мильтона не было бы «Потерянного рая», без Данте – живых представлений ада, чистилища и рая». Не было бы – это в высшей степени справедливо: все эти прекрас-

ные создания принадлежат творческой фантазии младенствующего народа или увлеченного вдохновением поэта. Но знаете ли что? создания фантазии так ведь и остаются в области фантастических призраков и не переходят в действительность. Несмотря на все величие гомерических рапсодий, героический век, с своими богами и богинями, не явился в Греции во времена Перикла, равно как и в Италии Вергилий, при всем своем красноречии, не мог уже возратить римлян империи к простой, но доблестной жизни их предков и не мог превратить Тиберию в Энея. Мало того – явления, изображенные во всех названных нами поэмах, и сами по себе не имеют действительности и с каждым годом все далее отодвигаются в туманный мир призраков... Увы!

...Мечты поэта!
Историк строгий гонит вас!^{4}

Юнона не обольщала Зевса, Афродита не спасала Париса на поле битвы, Афина не обманывала Гектора, Эней не видался с Дидоной, Шива не боролся с Брамой и т. д. Если во всех этих преданиях и есть что-нибудь достойное нашего внимания, то именно те части их, в которых отразилась живая действительность. Самые заблуждения, какие мы в них находим, интересны для нас потому, что некогда они не были заблуждениями, некогда целые народы верили им и по ним располагали жизнь свою. Оттого-то и нравятся нам доселе поэзия древнего мира и некоторые фантастические произведения поэтов нового времени, тогда как ничего, кроме отвращения, не возбуждают в нас нелепые сказки, сочиняемые разными молодцами на потеху взрослых детей и выдаваемые нередко за романы, были, драмы и пр. Там видна жизнь своего времени, и рисуется мир души человеческой с теми особенностями, какие производит в нем жизнь народа в известную эпоху; а здесь ничего нет, кроме праздных выдумок, стоящих в разладе с жизнью и происходящих от фантастического, произвольного смешения понятий и верований разных времен и народов. Так, в музыке нравятся нам нередко дикие аккорды, уклоняющиеся от правил музыкальной гармонии, но удачно выражающие какой-нибудь действительно существующий диссонанс в природе; между тем нам дерет уши, а вовсе не производит приятного впечатления, нечаянно сделанная ошибка, когда артист возьмет одну ноту вместо другой. Делая это сравнение, мы хотим сказать, что поэзия и вообще искусства, науки слагаются по жизни, а не жизнь зависит от поэзии, и что все, что в поэзии является лишним против жизни, т. е. не вытекающим из нее прямо и естественно, все это уродливо и бессмысленно. Что отжило свой век, то уже не имеет смысла; и напрасно мы будем стараться возбудить в душе восхищение красотой лица, от которого имеем только голый череп. Боги греков могли быть прекрасны в древней Греции, но они гадки, во французских трагедиях и в наших одах прошлого столетия. Рыцарские воззвания средних веков могли увлекать сотни тысяч людей на брань с неверными для освобождения святых мест; но те же воззвания, повторенные в Европе XIX в., не произвели бы ничего, кроме смеха. Пиндар воспевал олимпийские игры, и вся Греция благоговейно внимала ему; в наше время никто уже серьезно не воспеваает церемониальных процессий и торжеств всякого рода; а если и находились господа, воспевавшие излеровские фейерверки и иллюминации на разные случаи, то они всем показались до того пошлы, что даже не возбудили смеха^{5}. Конечно, не поэзия произвела все эти явления в жизни, а жизнь заставила иначе смотреть на поэзию. Пора нам освободить жизнь от тяжелой опеки, налагаемой на нее идеологами. Начиная с Платона, восстают они против реализма и, еще не понявши хорошенько, перепутывают его учение. Непременно хотят дуализма, хотят делить мир на *мыслимое* и *являемое*, уверяя, что только чистые идеи имеют настоящую действительность, а все

{4} Из стихотворения Пушкина «Герой» (1830).

{5} Подразумеваются различные «поэтические» отклики на коронацию Александра II.

являемое, т. е. видимое, составляет только отражение этих высших идей. Пора бы уж бросить такие платонические мечтания и понять, что хлеб не есть пустой значок, отражение высшей, отвлеченной идеи жизненной силы, а просто хлеб – объект, который можно съесть. Пора бы отстать и от отвлеченных идей, по которым будто бы образуется жизнь, точно так, как отстали наконец от телеологических мечтаний, бывших в такой моде во времена схоластики. Бывало, ведь добрые люди пренаивно рассуждали, как это удивительно глаз принаровила природа к тому, чтобы видеть: и зрачки, и сеточки, и оболочка – все, точно нарочно, так уж и приделано, чтобы видеть; и никак ведь не хотели сообразить добрые люди, что не потому так глаз устроен, что нам такая крайняя есть необходимость видеть, и видеть именно вверх ногами и в миниатюре; а просто видим мы, и видим так, а не иначе, именно потому, что глаз наш так уж устроен. Или удивлялись, как реки текут: воде, видите, надо всегда вниз бежать, и – непостижимая предусмотрительность природы! – в каждом месте, где река течет, непременно в русле есть склон; ну, вода-то и течет себе свободно... Добрые люди и того не хотели подумать, что река по склону-то именно и течет: не будь его вправо, так она пойдет влево, а не станет дожидаться, покуда под нею склон образуется. Нет, по мнению добрых людей, если Волга течет в Каспийское море, так это потому единственно, что она питает особенное, невещественное, идеальное сочувствие к Каспию, и в силу такой идеи она должна была непременно дойти именно до Каспия, хотя бы целые Альпы встретились ей на дороге.

В естественных науках все подобные аллегории давным-давно оставлены; пора бы покончить с ними и в области литературы и искусства. Не жизнь идет по литературным теориям, а литература изменяется сообразно с направлением жизни; по крайней мере так было до сих пор не только у нас, а повсюду. Когда человечество, еще не сознавая своих внутренних сил, находилось совершенно под влиянием внешнего мира и, под влиянием неопытного воображения, во всем видело какие-то таинственные силы, добрые и злые, и олицетворяло их в чудовищных размерах, тогда и в поэзии являлись те же чудовищные формы и та же подавленность человека страшными силами природы. Когда же человек немножко попривык к этим силам и сознал отчасти свое собственное значение, тогда и силы природы стал он представлять антропоморфически, приближая их к себе. Таким образом развивалась поэзия греческая, с своими божествами. В себе человек сознал прежде всего внешние, физические качества – и на первой ступени развития каждого народа являются героические сказания. Сила доставляет одним преимущества, которых лишаются другие; в элемент поэзии входит воспевание того, как один победил другого и какие получил трофеи. Трофеи доставляют победителям возможность давить побежденных своим великолепием, а побежденных заставляют склониться пред силою победителя и признать над собой ее права; в поэзии в это время является восторженная ода, воспевающая покорность рабов и вассалов. Но победители забываются и начинают уж слишком теснить побежденных: является ропот, негодование, и в литературе он выражается сатирой, сначала глухой, действующей намеками – в басне, потом более открыто в сатире лирической и драматической. Возбужденное негодование пробуждает, разумеется, в обеих сторонах взаимные опасения, желание уладить дело к выгоде собственной и как можно больше вытянуть для себя от противной стороны. Это обстоятельство заставляет обратить внимание на устройство общественной и семейной жизни, на отношения одних членов общества к другим, и литература склоняется к общественным интересам. Разнообразие этих интересов и успехи борьбы из-за них определяют дальнейшее развитие литературы. Бывает время, когда народный дух ослабевает, подавляемый силою [победившего класса], естественные влечения замирают на время и место их заступают искусственно возбужденные, насильно навязанные понятия и взгляды в пользу победивших; тогда и литература не может выдержать: и она начинает воспевать нелепые и незаконные затеи [класса] победителей, и она восхищается тем, от чего с презрением отвернулась бы в другое время. Так было, например, у немцев в начале прошлого

столетия, когда хотели заставить их забыть за разными потехами кровавые передраги предшествовавшего времени,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания